

Рассказы о Шерлоке Холмсе. Король страха

«Рассказы о Шерлоке Холмсе». А. Конан Дойл

Шерлок Холмс расследует пропажу лошади-фаворита скачек и исчезновение секретного документа.

«Король страха». Э. Уоллес

Риддер должен спасти свою возлюбленную из лап короля преступного мира и раскрыть тайну похищенного золота.

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Артур Конан Дойл
Рассказы о Шерлоке Холмсе

Эдгар Уоллес
Король страха

Артур Конан Дойл
Рассказы о Шерлоке Холмсе
Эдгар Уоллес
Король страха

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2010

ISBN 978-966-14-1868-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Р24 Рассказы о Шерлоке Холмсе [Текст] / Артур Конан Дойл. Король страха / Эдгар Уоллес; [к сб. в целом: пер. с англ. В. Михалюка ; предисл. В. Г. Гитина ; худож. В. Мысник]. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2010. — 368 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека детектива»).

ISBN 978-966-14-0875-2 (Украина, т. 4).

ISBN 978-966-14-0746-5 (серия).

ISBN 978-5-9910-1224-9 (Россия, т. 4).

ISBN 978-5-9910-1143-3 (серия).

В четвертый том серии «Золотая библиотека детектива» вошли рассказы А. Конан Дойла («Серебряный», «Желтое лицо», «Биржевой маклер», «Глория Скотт», «Обряд Масгрейвов», «Райгитская загадка», «Горбун», «Постоянный пациент», «Случай с переводчиком») и повесть Э. Уоллеса «Король страха».

До четвертого тому серії «Золота бібліотека детективу» увійшли «Оповідання про Шерлока Голмса» А. Конан Дойла («Срібний», «Жовте обличчя», «Біржовий маклер», «Глорія Скотт», «Обряд Масгрейвів», «Райгітська загадка», «Горбань», «Постійний пацієнт», «Випадок з перекладачем») і повість Е. Воллеса «Король страху».

ББК 84.4ВЕЛ

Предисловие

Четвертый том избранных шедевров англоязычной детективистики включает в себя новеллы сэра Артура Конан Дойла, в свое время вошедшие в сборник «Рассказы о Шерлоке Холмсе», и роман его соотечественника и младшего современника Эдгара Уоллеса «Король страха».

Трудно, пожалуй, назвать двух более несхожих писателей, более разительно отличающихся друг от друга по всем без исключения параметрам литературного творчества, но при этом каждый из них завоевал признание миллионов читателей. Правда, эти миллионы так же отличаются друг от друга, как и их кумиры, однако с фактором массового признания как таковым нельзя не считаться, какого бы мнения ни придерживалась по данному вопросу строгая литературная критика. Мир многозначен, и подчас простая лопата, оказавшаяся в нужное время в нужном месте, бывает ничуть не менее ценной, чем самый совершенный микроскоп...

Новеллы, вошедшие в сборник «Рассказы о Шерлоке Холмсе», со всей наглядностью продемонстрировали не только блестящую способность их автора создавать рельефные, яркие, незабываемые характеры, но и симбиоз холодной, хорошо просчитанной логики, ледящего душу страха и стремительно развивающегося действия, что позволяет считать эти произведения новым словом в литературе последнего десятилетия XIX века.

Каждая из новелл имеет все основания считаться гимном позитивному человеческому разуму, перед которым отступают и рассеиваются, подобно утреннему туману под лучами солнца, все дьявольские ухищрения врагов рода человеческого. Разум и только разум является главным оружием Великого Сыщика, оружием, которым он столь виртуозно владеет.

В новелле «Обряд Масгрейвов» Холмс, отвечая на вопрос о роде своей деятельности, говорит: «Я пытаюсь добывать себе хлеб умом». Но победы незаурядного ума далеко не всегда приносят герою хлеб насущный. Например, раскрытие кровавого преступления двух уважаемых сквайров из Райгита так и останется его личной бескорыстной инициативой, к тому же полиция, несомненно, присвоит себе заслугу этого блистательного расследования, как это уже неоднократно случалось. Такой же бескорыстной инициативой является и расследование дела, связанного с похищением скакуна-фаворита Серебряного, и целый ряд прочих дел, за которые Холмс берется исключительно из любви к искусству, как принято говорить, или же под влиянием гипертрофированного чувства справедливости.

Но, кроме демонстрации всепобеждающего интеллекта, поистине рыцарского благородства и отчаянной храбрости главного героя, новеллы сэра Артура Конан Дойла являют собой достаточно скупые и беглые, и при этом безмерно выразительные наброски с натуры английской жизни, где характерные черты поздневикторианской эпохи теснейшим образом переплетаются со стандартными и не зависящими от времени или пространства проявлениями человеческой природы.

Вечные темы, вечные страсти, удручающе однообразные мотивы злодеяний... Однако как подчас оригинальны и хитроумны их замыслы!

И сколько требуется таланта, интеллекта, воли и отваги для восстановления столь дерзко и нагло попорченной гармонии бытия!

Английский писатель Эдгар Ричард Горацио Уоллес (Richard Horatio Edgar Wallace) (1875—1932) родился в достаточно уважаемой семье, что, однако, не помешало будущему автору мировых бестселлеров в возрасте 12 лет оставить школу и пуститься в открытое море приключений, тревог, надежд и разочарований, именуемое Жизнью.

Разносчик газет, мальчик на посылках, продавец, заводской рабочий, повар, грузчик, литератор, журналист — каждая из этих

ипостасей стала источником новых впечатлений, знаний, навыков, всего того, что формирует мироощущение личности.

Как газетный репортер, Уоллес был непосредственным свидетелем кровавых событий англо-бурской войны 1899—1902 гг. Эти события нашли отражение в нескольких (как ни странно) юмористических романах. Впрочем, если принять во внимание то, что заказчиками этих произведений были владельцы массовых бульварных изданий, едва ли стоит удивляться их жанру и достаточно невысоким художественным достоинствам.

Подлинный литературный успех принес Эдгару Уоллесу роман «Four Just Men» («Четверо благочестивых»), увидевший свет в 1905 году. За ним последовало более двухсот произведений, ставших бестселлерами: детективные романы, пьесы, автобиографическая проза и киносценарии.

Каждое новое сочинение, традиционно возникающее на прилавках книжных магазинов ровно в полдень намеченной даты его выпуска, называли «полуденным Уоллесом». Его ждали с нетерпением и раскупали с поистине фантастической скоростью.

Газеты того времени пестрели такими фразами:

«Романами Уоллеса увлекается весь мир!»;

«Его романы являются настолько захватывающими, что их невозможно выпустить из рук, пока не прочитана последняя страница»;

«Читатель, открыв книгу Э. Уоллеса, забывает обо всем на свете».

Его называли «королем детектива».

Но, как говорится, по большому счету, произведения Уоллеса, если рассматривать их с позиций канонов детективного жанра или в аспекте сугубо литературоведческом, не являются ни детективами (в классическом понимании этого термина), ни шедеврами изящной словесности. В них, несомненно, присутствует криминальная тайна, что является обязательным условием жанра, однако нельзя не отметить, что усилия аналитической мысли Дюпена или Холмса подменены каскадами стремительных и безоглядных *actions* частных и полицейских сыщиков.

В основе сквозного действия здесь лежит скорее преследование, чем расследование. Потайные двери, западни, погони, перестрелки, переодевания, лорды в лохмотьях и бандиты в смокингах, роскошные

виллы, автомобили, ночные клубы — весь этот салонно-гангстерский мир, насыщенный терпкими ароматами тайн, возникающих ниоткуда и исчезающих никуда, завораживал и покорял массового читателя.

Ошеломляющая популярность писателя, видимо, в немалой степени была обусловлена особенностями его творческого метода, в частности *примитивизмом*, знаковая система которого находила (и продолжает находить) широкий отклик в читательской аудитории.

Публикуемый здесь роман «Король страха» — одно из наиболее, пожалуй, характерных в данном плане произведений Эдгара Уоллеса. «Плохие парни», объединенные мегазлодеем Джоном Флаком в преступное сообщество, противостоят «хорошим парням» из славного Скотленд-Ярда, возглавляемым решительным и благородным полицейским чиновником Джоном Ридером.

Преследуя свои зловещие цели, «плохие парни» не гнушаются никакими средствами, включая самые низкие и подлые, подчас беря верх над сыщиками, которым, как и всем порядочным людям, не чужды элементарное милосердие, вера в добро и в существование пределов человеческой низости. Уязвимость позиции «хороших парней» усиливается нежными чувствами, которые питает их шеф к очаровательной Маргарет Белмэн, невольно оказавшейся в самом центре жестокой борьбы...

Но, конечно же, все заканчивается блистательной победой Добра и Любви.

Зачастую мы ищем в книгах то, чего лишены в реальной жизни, в частности отклонений от привычных ситуативных стандартов, тем более облеченных в яркую, увлекательную, праздничную форму.

Разве не греет душу человека, осознающего свою трагическую незащищенность от враждебных сил, захватывающая полусказка о безоглядных, справедливых, решительных и отважных рыцарях Добра, которые не только вызволяют из беды всех потерпевших, но и со всей неотвратимостью наказывают их обидчиков?

А то, что в этой полусказке мужчины фантастически смелы и элегантны, а женщины фантастически красивы и самоотверженны, лишь усиливает ее воздействие на читателей, так истосковавшихся по простой и доступной красоте, которой суждено если и не спасти мир, то хотя бы сделать его более приятным для существования в нем.

*В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации
детективного и исторического романа*

Артур Конан Дойл

Рассказы о Шерлоке Холмсе

Серебряный

— Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, — сказал однажды утром Шерлок Холмс, когда мы сели завтракать.

— Уехать? А куда вы собираетесь?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Признаться, меня это вовсе не удивило, напротив, ведь до сих пор я терялся в догадках, почему это мой друг никоим образом не принимает участия в расследовании этого сенсационного дела, которое взбудоражило всю Англию. В последнее время он только то и делал, что расхаживал взад-вперед по нашей гостиной, с хмурым видом глядя в пол, и, выкурив очередную трубку, тут же снова заправлял ее самым крепким черным табаком. На любые мои вопросы или попытки втянуть его в разговор Холмс просто не обращал внимания, словно и не слышал их вовсе. Свежие номера газет, поставляемые нашим почтовым агентом, он лишь бегло просматривал, после чего бросал в угол. Впрочем, каким бы замкнутым и молчаливым он ни был, я прекрасно понимал, о чем мой друг так напряженно думает. В те дни у всех на устах было лишь одно дело, достойное применения его аналитических способностей, а именно: загадочное исчезновение лошади, считавшейся фаворитом Кубка Уэссекса, и жестокое убийство ее тренера. Так что когда Холмс объявил о своем намерении съездить туда, где развернулась эта драма, я был к этому не только готов, но даже, можно сказать, вздохнул с облегчением.

— Знаете, я бы с удовольствием составил вам компанию, если, конечно, это не помешает вашим намерениям, — сказал я.

— Дорогой Ватсон, вы окажете мне честь, если поедете со мной. К тому же, я думаю, ваше время не будет потрачено попусту, поскольку дело это представляется мне исключительно интересным, я бы даже сказал, единственным в своем роде. Мы, кажется, как раз успеваем в Паддингтон на нужный поезд. Едем, по дороге я подробнее расскажу вам о деле. Да, и захватите ваш полевой бинокль.

Вот так и получилось, что уже через час или около того мы с Шерлоком Холмсом сидели в вагоне первого класса поезда, который мчал нас в Эксетер. Мой друг углубился в изучение свежих газет, которые ему удалось раздобыть на вокзале Паддингтон, и мне почти не было видно сосредоточенного лица Холмса из-под козырька его дорожного картуза с отворотами. Мы уже давно миновали Реддинг, когда Шерлок Холмс наконец отправил последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— Хорошо едем, — заметил мой друг, поглядывая то на часы, то в окно. — Сейчас наша скорость пятьдесят три с половиной мили в час.

— А я не заметил ни одного дорожного указателя с расстоянием, — сказал я.

— Я тоже. Но мне известно, что на этом участке железной дороги между телеграфными столбами шестьдесят ярдов, так что подсчитать скорость — пара пустяков. Вы, очевидно, уже слышали об убийстве Джона Стрейкера и исчезновении Серебряного?

— Да, я читал об этом в «Телеграф» и «Кроникл».

— Это как раз одно из тех дел, при работе над которыми дедуктивный метод лучше применять для тщательного анализа уже известных фактов, чем для поиска новых. Случившаяся трагедия столь необычна, запутана и к тому же коснулась такого большого количества людей, что вызвала целую лавину гипотез, подозрений и предположений. Самое трудное теперь — вычленив реальные, неоспоримые факты из шелухи умозаключений и догадок полицейских и репортеров. Имея такую базу под ногами, мы обязаны понять, с какой стороны подходить к этому делу, каковы основные факты, вокруг которых крутится эта загадка. Во вторник вечером я получил две телеграммы, от полковника Росса, владельца лошади, и от инспектора Грегори, который ведет это дело. Оба они просят меня принять участие в расследовании.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — Но ведь сегодня уже утро четверга. Почему вы не поехали туда вчера?

— Потому что я совершил грубую ошибку, дорогой Ватсон... Боюсь, это случается со мной намного чаще, чем думают те, кто судит обо мне исключительно по вашим рассказам. Понимаете, я был уверен, что самого известного в Англии жеребца невозможно так долго скрывать, особенно в такой малонаселенной местности, как север Дартмура. Вчера весь день я прождал известий о том, что скакуна нашли и его похитителем оказался убийца Джона Стрейкера. Однако сегодня утром мне стало известно, что кроме ареста молодого Фицроя Симпсона ничего так и не было сделано, и я почувствовал, что настало время действовать. Но, знаете, мне все же кажется, что вчерашний день не прошел зря.

— У вас появилась версия?

— По крайней мере, я понял, какие факты в этом деле являются главными. Я перечислю их вам, потому что ничто так не способствует пониманию дела, как рассказ о нем другому человеку. К тому же вряд ли я могу рассчитывать на вашу помощь, не указав вам отправных точек, с которых начнется наше расследование.

Я откинулся на подушки и, попыхивая сигарой, стал слушать Холмса, который, подавшись вперед и водя длинным тонким указательным пальцем по левой ладони, в общих чертах набросал план событий, приведших к нашей поездке.

— Серебряный — потомок знаменитого Сомоми, — говорил он, — и ни в чем не уступает своему прославленному предку. Ему пять лет, и он уже несколько раз подряд приносил своему счастливому владельцу, полковнику Россу, главный приз на скачках. До того как случилась катастрофа, он считался главным претендентом на первое место Кубка Уэссекса при ставках три к одному в его пользу. Надо сказать, что Серебряный всегда был фаворитом и никогда не подводил своих почитателей, которые даже при наличии серьезных конкурентов ставили на него огромные суммы. В общем, вполне очевидно, что нашлось бы множество людей, которым было бы на руку, если бы в следующий вторник Серебряный не вышел на беговую дорожку.

Разумеется, об этом догадывались и в Кингс-Пайленде, где находится конюшня и тренировочная база полковника, поэтому фаворита охраняли очень тщательно. Тренер, Джон Стрейкер, — сам

бывший жокей. Он выступал в форме цветов полковника Росса, пока не стал слишком тяжелым для седла. Стрейкер пять лет служил у Росса жокеем, семь лет тренером и проявил себя как преданный и честный слуга. Поскольку конюшня маленькая, всего-то четыре лошади, под началом Стрейкера работали лишь три человека. Один из этих троих обязательно оставался на ночь при лошадях, остальные двое спали наверху на сеновале. Все — хорошие работники, жалоб на них не было. Джон Стрейкер был женат и жил в двухстах ярдах от конюшни на небольшой вилле. Детей у него не было; он держал служанку. Рабочий день Стрейкера заканчивался рано, в общем, можно сказать, что жилось ему там неплохо. Местность вокруг конюшни очень пустынная, но около полумили к северу есть несколько вилл, построенных каким-то подрядчиком из Тавистока для инвалидов и тех, кто приезжает подышать чистым дартмурским воздухом. Сам Тависток находится где-то в двух милях к западу от Кингс-Пайленда, кроме того, за болотами, на расстоянии тоже около двух миль расположена другая конюшня, побольше, которая принадлежит лорду Бэкуотеру. Тамошнего управляющего зовут Сайлес Браун. В остальном же вся округа — совершенно пустынное место, там обитает лишь кучка кочующих цыган. Вот что представляло из себя до прошлого понедельника, когда случилась беда, то место, в которое мы направляемся.

В тот вечер с лошадьми, как обычно, провели тренировку, потом помыли и в девять вечера заперли в конюшне. Двое работников отправились в дом тренера, где они всегда ужинали, а третий, Нэд Хантер, остался при лошадях. В начале десятого Эдит Бакстер, служанка, принесла ему ужин, кусок баранины в карри. Никакого питья она не брала, поскольку в конюшне имеется кран с питьевой водой и ничего другого дежурному пить не полагается. Служанка несла с собой фонарь, потому что дорога от виллы тренера до конюшни проходит по открытому торфянику, да и было уже довольно темно.

Эдит Бакстер оставалось пройти до конюшни каких-нибудь тридцать ярдов, когда из темноты появился и окликнул ее какой-то мужчина. Когда он вступил в круг света, отбрасываемый ее фонарем, служанка увидела, что это степенный господин в сером твидовом костюме и матерчатой шапочке. На ногах у него были гетры, в руке —

увесистая трость с большим набалдашником. Однако больше всего ее поразили его необычная бледность и озабоченное выражение лица. По словам служанки, ему, скорее всего, за тридцать.

«Скажите, где я нахожусь? — спросил мужчина. — Хорошо, что я увидел ваш фонарь, а то я уж думал, что мне придется спать прямо на земле». «Вы подошли к тренировочной конюшне Кингс-Пайленд», — ответила служанка. «В самом деле? Какая удача! — воскликнул он. — Должно быть, там по ночам дежурит кто-нибудь из конюхов, и вы, наверное, несете ему ужин. Послушайте, а вы не хотите заработать себе на новое платье? — Он достал из кармана жилета сложенный лист бумаги. — Передайте это конюху, и у вас будет самое лучшее платье, какое только можно купить за деньги».

Эдит Бакстер напугал серьезный вид этого мужчины, поэтому она, обойдя его стороной, побежала к окошку, через которое обычно передавала ужин. Оно уже было открыто, и Хантер сидел внутри за небольшим столом. Служанка начала рассказывать ему, что только что произошло, и тут незнакомец появился снова.

«Добрый вечер, — сказал он, заглянув в окошко. — Я хотел с вами побеседовать». Девушка клянется, что, когда он говорил, в руке у него она заметила маленький бумажный пакетик.

«Что вам надо?» — спросил его конюх. «Хочу предложить вам немного заработать, — ответил мужчина. — На Кубок Уэссекса вы выставляете двух лошадей, Серебряного и Баярда. Скажите мне, кто из них, по-вашему, в лучшей форме, и не пожалеете. Правда ли, что при равном весе жокеев Баярд может за пять фарлонгов обойти Серебряного на сто ярдов и что вы сами поставили на него?» — «А, так вы пришли сюда шпионить! — закричал конюх. — Я покажу вам, как у нас поступают с такими, как вы!» — Он вскочил из-за стола и бросился в другой конец конюшни за собакой. Девушка побежала к двери, но по дороге оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Однако через минуту, когда Хантер выбежал с собакой, человека этого там уже не было. Конюх несколько раз обошел здание, но никаких следов его так и не нашел.

— Минутку, — перебил я Холмса. — Конюх, выбегая из конюшни, не запер за собой дверь?

— Отлично, Ватсон, просто отлично! — кивнул мой друг. — Эта деталь мне тоже показалась настолько важной, что я специально вчера

телеграфировал в Дартмур, чтобы это выяснить. Конюх запер дверь. К тому же могу добавить, что окошко слишком мало, человек через него не пролезет.

Хантер дождался возвращения остальных конюхов, после чего рассказал тренеру, что случилось. Стрейкера очень взволновало это происшествие, хотя он, похоже, так и не понял его истинного значения. После этого он не находил себе места, и миссис Стрейкер, проснувшись в час ночи, увидела, что ее муж одевается и собирается уходить. На ее вопрос он ответил, что не может заснуть, потому что волнуется за лошадей и хочет сходить на конюшню, проверить, все ли там в порядке. Миссис Стрейкер стала просить его остаться дома, тем более что пошел дождь, но Стрейкер, несмотря на ее мольбы, надел большой макинтош и ушел.

Проснувшись в семь часов, миссис Стрейкер обнаружила, что муж все еще не вернулся. Она кое-как оделась, позвала служанку, и они вдвоем пошли на конюшню. Дверь была открыта, внутри, сжавшись в комок, сидел на стуле Хантер, загон фаворита был пуст, и никаких следов тренера видно не было.

Тут же разбудили двух конюхов, которые спали на сеновале, расположенном над помещением для хранения сбруи. Они сказали, что всю ночь спали крепко и ничего не слышали. Хантер явно находился под воздействием какого-то сильного наркотика, поэтому, поскольку от него все равно не было никакой пользы, его оставили внутри, а двое мужчин и две женщины выбежали на улицу, чтобы попытаться найти пропавших. У них еще оставалась надежда, что тренер по каким-то причинам решил в столь ранний час вывести лошадь на тренировку, но, поднявшись на холм, с которого видно всю окружающую местность, они не только не обнаружили следов исчезнувшего фаворита, но и заметили нечто такое, что натолкнуло их на мысль о том, что случилась беда.

Примерно в четверти мили от конюшни на кусте дрока висел макинтош Джона Стрейкера. Сразу за кустом находится небольшое чашеобразное углубление, и вот на его дне и лежало тело несчастного тренера. Голова Стрейкера была разможжена сильнейшим ударом какого-то очень тяжелого предмета, на бедре была рана — длинный ровный порез, нанесенный, очевидно, чрезвычайно острым инструментом. Все указывало на то, что Стрейкер изо всех сил боролся

с нападавшими, поскольку в его правой руке был зажат небольшой нож, лезвие которого было по самую рукоятку в крови. В левой руке тренер держал красно-черный шелковый галстук, который служанка видела на шее незнакомца, приходившего на конюшню прошлым вечером. Хантер, придя в себя, подтвердил, что видел этот галстук на том мужчине. К тому же он клянется, что незнакомец сумел подсыпать через окошко что-то в его баранину, в результате чего конюшня осталась без сторожа. Что же касается пропавшего фаворита, в грязи на дне роковой впадины осталось множество следов, указывающих на то, что в момент совершения убийства лошадь была рядом со своим тренером, однако с тех пор ее больше никто не видел. За любые сведения о лошади предложено большое вознаграждение, всех цыган в Дартмуре допросили и дали указание смотреть в оба, но несмотря на все это фаворит как в воду канул. Наконец исследования остатков ужина Хантера выявили содержание большого количества порошкообразного опиума, хотя в тот вечер люди в доме ели то же самое блюдо и без каких-либо последствий.

Вот какие факты мы имеем на руках, если отбросить всяческие домыслы и предположения. Теперь я расскажу, какие шаги были предприняты полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено это дело, — очень толковый офицер. Если бы природа одарила его еще и воображением, он мог бы достичь больших высот в своем деле. Прибыв на место происшествия, он первым делом разыскал и арестовал человека, на которого, естественно, пало подозрение. Сделать это было несложно, поскольку живет подозреваемый на одной из тех вилл, о которых я упоминал. Оказалось, что зовут его Фицрой Симпсон, он из приличной семьи, имеет хорошее образование, но проиграл все свое состояние на скачках и зарабатывал на жизнь, делая небольшие ставки в букмекерских конторах Лондона. Исследование его записей показало, что Симпсон сделал несколько ставок против фаворита, на общую сумму пять тысяч фунтов. После ареста Симпсон подтвердил, что приходил в Дартмур, чтобы разузнать что-нибудь про лошадей в Кингс-Пайленде и Мейплтоне, где Сайлес Браун держит второго фаворита, Десборо. Подозреваемый не стал отрицать, что вечером накануне убийства вел себя именно так, как рассказывали Эдит Бакстер и Хантер, но утверждал, что ничего плохого делать не

собирался, хотел лишь раздобыть из первых рук какую-нибудь информацию о лошадях. Когда Симпсону предъявили галстук, он сильно побледнел и не смог дать вразумительного ответа на вопрос, как галстук оказался в руке убитого тренера. Мокрая одежда указывала на то, что во время ночного ливня Симпсон находился на улице, и его увесистая трость со свинцовой вставкой вполне могла быть тем оружием, которым были нанесены удары, раздробившие череп Стрейкера. С другой стороны, на нем самом не было ни царапины, хотя кровь на ноже Стрейкера указывает на то, что как минимум один раз он ранил нападавшего. Вот, пожалуй, и все, Ватсон. Если у вас появились какие-нибудь идеи, скажите, я буду вам бесконечно признателен.

Рассказ Холмса, как всегда четкий и ясный, я выслушал очень внимательно. Хотя большинство фактов мне уже и так были известны, я все еще не совсем понимал, как сопоставить их друг с другом и каким образом их взаимосвязь можно применить для раскрытия преступления.

— А возможно ли, — предположил я, — что Стрейкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается любая травма головного мозга?

— Не только возможно, но и вероятно, — сказал Холмс. — И это лишает подозреваемого одного из главных аргументов в его защиту.

— Но все равно мне непонятно, какой версии придерживается полиция, — сказал я.

— Боюсь, что никакая версия пока не может считаться достоверной, — вздохнул мой друг. — Полиция, насколько я понимаю, придерживается мнения, что этот Фицрой Симпсон каким-то образом получил дубликат ключа от конюшни и, подсыпав наркотик конюху, увел лошадь из стойла, очевидно, намереваясь потребовать за нее выкуп. Уздечка Серебряного тоже пропала, так что Симпсон скорее всего надел ее на голову жеребца, вывел его из конюшни и, не закрыв за собой дверь, повел через поле, где его либо встретил, либо догнал тренер. Естественно, произошла стычка. Симпсон несколько раз ударил Стрейкера по голове тяжелой тростью, тот пытался защищаться маленьким ножом, но безуспешно. После этого похититель спрятал лошадь в каком-то укромном месте. Можно также предположить, что во время драки Серебряный испугался и ускакал, и теперь бродит где-

то в поле. Так полиция представляет себе это дело. Хоть это и выглядит весьма неправдоподобно, любые другие объяснения представляются еще более маловероятными. Но уже скоро, когда мы прибудем на место, я смогу сделать собственные выводы. До тех пор я не представляю, каким образом мы могли бы продвинуться дальше.

Уже начало темнеть, когда мы прибыли в Тависток, небольшой городок, одиноко стоящий прямо посреди огромной круглой дартмурской равнины. На станции нас встречали двое мужчин: один высокий, голубоглазый, с копной светлых волос, бородой и цепким взглядом, второй — небольшого роста, поджарый, в щеголеватом сюртуке и гетрах, на щеках его красовались коротко стриженные бакенбарды, в глаз был вставлен монокль. Первый был инспектором Грегори, который считался самым многообещающим сыщиком Англии, второй — полковником Россом, известным спортсменом, владельцем конюшни Кингс-Пайленд.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, — сказал полковник, окинув нас внимательным взглядом. — Инспектор уже выбился из сил, пытаясь разобраться в этом деле, но я не остановлюсь ни перед чем, чтобы отомстить за смерть бедного Стрейкера и разыскать свою лошадь.

— Есть новости? — обратился Холмс к инспектору.

— К сожалению, мы пока не сдвинулись с мертвой точки, — развел руками блондин. — Нас ждет коляска, так что можно поговорить по дороге, ведь вы же наверняка захотите увидеть все сами, до того как стемнеет.

Уже через минуту мы вчетвером уселись на удобные сиденья ландо, и коляска с грохотом покатила по затейливым мощеным улочкам старинного девонского города. Было видно, что инспектор Грегори полностью поглощен этим делом. Сыщик принялся с жаром рассказывать, как продвигается расследование, Холмс слушал его довольно внимательно, лишь изредка перебивая уточняющими вопросами. Полковник Росс надвинул на глаза шляпу и откинулся на спинку сиденья, сложив на груди руки, я же с интересом прислушивался к разговору двух профессионалов. Грегори как раз излагал свою версию событий, которая почти в точности совпадала с предсказанной Холмсом в поезде.

— Кольцо вокруг Фицроя Симпсона почти замкнулось, — подытожил Грегори. — Я практически уверен, что он — именно тот, кто нам нужен. Хотя, конечно, я понимаю, что прямых доказательств у нас нет и какие-нибудь вновь открывшиеся обстоятельства могут полностью разрушить эту версию.

— Что вы думаете по поводу ножа Стрейкера?

— Мы пришли к выводу, что тренер сам, падая, поранил себя.

— Мой друг доктор Ватсон тоже это предположил, когда мы обсуждали дело в поезде. Если все было именно так, это говорит не в пользу Симпсона.

— Несомненно. Ножа при нем не нашли, сам Симпсон не ранен. Вообще масса улик указывает на его виновность. Во-первых, исчезновение фаворита ему очень выгодно, во-вторых, его подозревают в отравлении конюха, в-третьих, не вызывает никакого сомнения, что ту ночь, когда шел дождь, Симпсон провел на улице. К тому же можно упомянуть его тяжелую трость и галстук, найденный в руке убитого. По-моему, этого вполне достаточно, чтобы Симпсон предстал перед судом.

Холмс покачал головой.

— Умный адвокат не оставит от ваших обвинений камня на камне, — сказал он. — Зачем Симпсону было выводить лошадь из стойла? Если он хотел ранить ее, это вполне можно было сделать прямо на месте. У него нашли дубликат ключа? Какой фармацевт продал ему опиум? И самое главное: вряд ли этот человек так уж хорошо ориентировался в незнакомой ему местности. И где он мог спрятать лошадь, тем более такую? Что Симпсон сказал по поводу бумажки, которую хотел передать конюху?

— Он утверждает, что это была десятифунтовая банкнота. В его бумажнике действительно нашли такую банкноту. Однако ваши возражения легко опровергнуть. Это место не было для него незнакомым. Летом Симпсон дважды снимал жилье в Тавистоке. Опиум, вероятно, он привез из Лондона. Ключ Симпсон потом мог просто выбросить по дороге, зачем ему хранить лишнюю улику? Лошадь же, скорее всего, лежит на дне какой-нибудь ямы или старой шахты.

— А что подозреваемый говорит про галстук?

— Он признает, что это его галстук, но утверждает, что потерял его. Однако мы выяснили нечто такое, что может объяснить, зачем он вывел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— Мы нашли следы, указывающие на то, что в миле от того места, где произошло убийство, в понедельник вечером останавливались цыгане. Во вторник они ушли дальше. Если предположить, что между Симпсоном и этими цыганами существовал некий стовор, разве не мог он вести лошадь к ним, когда его настиг Стрейкер? Может быть, Серебряный до сих пор находится у них.

— Конечно, такая вероятность существует.

— Мы прочесали все поле в поисках этих цыган. К тому же я лично осмотрел все конюшни и хозяйственные постройки в радиусе десяти миль и в Тавистоке.

— Тут ведь недалеко есть еще одна конюшня?

— Да, и эту деталь ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Поскольку их Десборо считается вторым претендентом на главный приз Кубка Уэссекса, они очень заинтересованы в исчезновении Серебряного. Известно, что Сайлес Браун, тренер Десборо, уже сделал большие ставки на предстоящий забег, да и с несчастным Стрейкером они были не в ладах. Впрочем, мы обыскали конюшню Брауна, но не нашли ничего, что могло бы указать на его причастность к преступлению.

— И нет никаких доказательств того, что этот Симпсон действовал в интересах конюшни Мейплтон?

— Ни единого.

Холмс откинулся на спинку сиденья, и разговор прекратился. Через несколько минут коляска остановилась возле стоящей у самой дороги небольшой чистенькой виллы с широким, выступающим над стенами из красного кирпича карнизом. Чуть дальше от дороги, за небольшим загоном, серела длинная черепичная крыша служебного помещения. Со всех сторон виллу окружало утыканное невысокими холмами поле, желтое от начавших увядать папоротников, которое растянулось до самого горизонта. Вдалеке виднелись лишь колокольни Тавистока, да несколько небольших зданий на западе указывали на местоположение конюшни Мейплтон. Мы выпрыгнули из коляски, лишь Холмс остался на своем месте. Он сидел, всматриваясь в небо, и был погружен в свои

мысли. Только когда я коснулся его руки, он вздрогнул и порывисто шагнул на землю.

— Простите меня, — сказал он полковнику Россу, который недоуменно взирал на него. — Я немного замечтался.

В глазах своего друга я заметил огонек, а в голосе — скрытое возбуждение, явный признак того, что он нащупал верную нить, хотя я и представить себе не мог, что натолкнуло его на это.

— Может быть, вы хотели бы сразу отправиться на место преступления, мистер Холмс? — предложил Грегори.

— Я, пожалуй, немного задержусь здесь, хочу кое-что уточнить. Тело Стрейкера, очевидно, принесли сюда?

— Да, он лежит наверху. Коронер завтра его осмотрит.

— Стрейкер несколько лет прослужил у вас, полковник Росс?

— Да, и я всегда считал его прекрасным работником.

— Надеюсь, вы осмотрели его карманы, инспектор?

— Все вещи, которые были найдены у него в карманах, сейчас находятся в гостиной. Если хотите, можете на них взглянуть.

— Конечно.

Мы вошли в здание и расселись вокруг стола в небольшой гостиной. Инспектор раскрыл жестяную коробку и высыпал перед нами небольшую кучку предметов. Мы увидели коробок восковых спичек, огарок сальной свечи длиной два дюйма, вересковую курительную трубку с инициалами «А. Д. Р.», пол-унции нарезанного длинными кусками кавендиша в кисете из тюленьей кожи, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый пенал для карандашей, несколько бумажек и нож с рукояткой из слоновой кости, с очень тонким негнувшимся лезвием, на котором стоял штамп «Weiss and Co., London».

— Очень интересный нож, — Холмс поднес его к глазам и стал внимательнейшим образом рассматривать. — Пятна крови на лезвии говорят о том, что это именно тот нож, который был найден в руке убитого. Ватсон, если не ошибаюсь, этот нож по вашей части?

— Да, это так называемый катарактальный нож.

— Я так и думал. Очень тонкое лезвие, предназначенное для очень тонкой работы. Довольно странно, что человек, собираясь ночью идти на конюшню и не зная, что его там ждет, решил захватить эту вещицу с собой, тем более что нож мог прорезать его карман и выпасть.

— Кончик лезвия был защищен пробковой насадкой, которую мы нашли рядом с телом, — пояснил инспектор. — Жена Стрейкера говорит, что нож этот лежал на туалетном столике и он прихватил его с собой, когда выходил из комнаты. Как оружие он никуда не годится, но, вероятно, лучшего у тренера в ту минуту просто не оказалось под рукой.

— Очень может быть. А что это за бумаги?

— Эти три листка — оплаченные счета от торговцев сеном. Это — записка с указаниями от полковника Росса. А вот это — счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов, выписанный модисткой мадам Лезурье с Бонд-стрит на имя Вильяма Дербишира. Миссис Стрейкер рассказала, что этот Дербишир был другом ее мужа и его письма иногда приходили на их адрес.

— У мадам Дербишир довольно изысканный вкус, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гиней за платье, ничего себе! Однако здесь мы больше ничего нового не увидим, теперь можно и на место преступления сходить.

Когда мы вышли из гостиной, из глубины коридора нам навстречу ступила женщина и положила ладонь на руку инспектора. На ее изможденном бледном лице застыло выражение недавно пережитого ужаса.

— Вы нашли их? Поймали? — быстро заговорила она с придыханием.

— Нет, миссис Стрейкер. Но из Лондона нам на помощь приехал мистер Холмс и мы делаем все возможное.

— А ведь я недавно видел вас на одном приеме в Плимуте, миссис Стрейкер! — неожиданно обратился к ней Холмс.

— Нет, сэр. Вы ошибаетесь.

— Не может быть! Я уверен, что это были вы. На вас еще было серо-голубое шелковое платье, украшенное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр, — покачала головой леди.

— Ну что ж, должно быть, я и впрямь ошибся, — сказал Холмс и, извинившись, вышел из дома вслед за инспектором.

Пройдя немного по полю, мы оказались у впадины, на дне которой был обнаружен труп. На самом ее краю рос куст дрока, тот самый, на котором висел макинтош.

— В ту ночь ветра ведь не было, правильно?

— Да, но лило как из ведра.

— В таком случае выходит, что макинтош не снесло ветром на этот куст, он был туда повешен.

— Верно, он был наброшен на ветки.

— Чрезвычайно интересно. Если я правильно понимаю, земля здесь хорошо утоптана. Несомненно, с понедельника здесь прошло множество людей.

— Вон там, с краю, мы постелили половик и ходили только по нему.

— Превосходно!

— В этом мешке у меня ботинок Стрейкера и ботинок Фицроя Симпсона, которые были на них в ту ночь. К тому же я прихватил старую подкову Серебряного.

— Дорогой инспектор, вы превзошли самого себя! — Холмс взял мешок и, спустившись в яму, придвинул половик ближе к середине. После этого улегся на живот и, подперев голову руками, принялся изучать истоптанную грязь. — Ага! — неожиданно воскликнул он. — Что это у нас? — Холмс аккуратно поднял наполовину сгоревшую восковую спичку, которая была до того грязной, что ее легко можно было принять за маленькую щепку.

— Не понимаю, как я мог не увидеть ее, — озадаченно пробормотал инспектор.

— Она была совершенно незаметна. Я сам разглядел ее только потому, что знал, что искать.

— Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

— Я не отрицал такой возможности.

Холмс извлек из мешка ботинки и стал сравнивать их подошвы с отпечатками на земле, после чего взобрался на край ямы и принялся ползать между кустами.

— Боюсь, вы больше ничего здесь не найдете, — крикнул ему инспектор. — Я сам очень внимательно осмотрел всю землю в радиусе ста ярдов.

— Что ж, — сказал Холмс, поднимаясь, — раз так, наверное, действительно не имеет смысла проделывать это еще раз. Но я бы хотел немного прогуляться по долине, пока не стемнело, чтобы иметь

представление о том, с чем мне придется столкнуться завтра. А подкову эту я, пожалуй, положу себе в карман на удачу.

Полковник Росс, который до этого молча наблюдал за спокойной и методичной работой моего друга, нетерпеливо посмотрел на часы.

— Инспектор, я бы хотел, чтобы вы вернулись со мной в дом, — сказал он. — Мне необходим ваш совет по некоторым вопросам. В первую очередь меня интересует, должны ли мы оповестить публику о том, что случилось, и вычеркнуть имя нашей лошади из списка участников скачки.

— Ни в коем случае! — решительно воскликнул Холмс. — Я бы не стал этого делать.

Полковник слегка поклонился.

— Рад был услышать ваше мнение, сэр, — сказал он. — Когда закончите прогулку, приходите к дому несчастного Стрейкера, мы будем там. Можно будет вместе поехать в Тависток.

Полковник и инспектор удалились, а мы с Холмсом не спеша побрели по полю. Солнце уже коснулось крыш Мейплтона, и длинная, идущая чуть под уклон равнина впереди нас окрасилась в золотистые цвета с красновато-коричневыми вкраплениями в тех местах, где от зарослей пожухлых папоротников и ежевики отражались лучи заката. Однако мой друг не видел этой красоты, поскольку с головой ушел в раздумья.

— Вот что, Ватсон, — после долгого молчания наконец заговорил Холмс. — Давайте пока не будем ломать голову над тем, кто убил Джона Стрейкера, а попытаемся понять, что произошло с лошадью. Итак, если предположить, что животное испугалось и убежало во время или после совершения убийства, куда оно могло податься? Лошади не могут жить вдали от человека, поэтому, если бы Серебряный оказался на воле, инстинкт подсказал бы ему либо вернуться в Кингс-Пайленд, либо скакать к Мейплтону. Он не стал бы носиться по полю, к тому же его бы уже давно увидели. Могли его похитить цыгане? Если где-нибудь случается беда, эти люди стараются как можно быстрее убраться оттуда, чтобышний раз не иметь дела с полицией. Цыгане не могли не понимать, что им не удастся продать такую лошадь. Похищение Серебряного не принесло бы им ничего, кроме неприятностей. Это не вызывает сомнений.

— Так где же тогда лошадь?

— Я уже сказал: либо в Кингс-Пайленде, либо в Мейплтоне. В Кингс-Пайленде ее нет, следовательно, она в Мейплтоне. Давайте примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, к чему это нас приведет. Земля в этой части поля, как заметил инспектор, сухая и очень твердая, но поле идет под уклон по направлению к Мейплтону. Видите длинную лощину вон там? В ночь с понедельника на вторник там должно было быть очень сыро. Если наше предположение верно, лошадь прошла как раз по этому месту, так что можно попытаться найти там ее следы.

Разговаривая, мы довольно быстро продвигались вперед и уже через пару минут вышли к лощине. По просьбе Холмса я пошел по правому краю, а сам он двинулся по левому, однако не успел я пройти и пятидесяти шагов, как услышал его крик и увидел, что Шерлок Холмс машет мне рукой. Прямо у его ног на размягченной земле был отчетливо виден след лошади. И подкова, которую он вытащил из кармана, в точности совпала с отпечатком.

— Видите, насколько важно сыщику иметь развитое воображение, — усмехнулся Холмс. — Это то единственное качество, которого не хватает Грегори. Мы представили, как могли развиваться события, начали действовать на основании предположения и обнаружили подтверждение своей догадки. Пойдемте дальше.

Мы пересекли покрытое вязкой грязью дно лощины и около четверти мили шли по сухому твердому дерну, пока земля снова не пошла под уклон и мы снова не увидели отпечатки копыт. Потом следы в очередной раз потерялись, но уже через полмили, недалеко от Мейплтона мы опять их увидели. Первым заметил следы Холмс. Он с торжествующим выражением указал на землю, где рядом с отпечатком подков виднелись следы человека.

— До этого лошадь бежала одна! — недоуменно воскликнул я.

— Совершенно верно. Она бежала одна. Постойте-ка, а это что такое?

Две цепочки следов круто поворачивали в сторону Кингс-Пайленда. Холмс удивленно присвистнул, и мы двинулись вдоль следов. Мой друг не сводил глаз с отпечатков, но я совершенно случайно ненадолго отвел взгляд в сторону и, к своему удивлению, увидел те же самые следы, но ведущие в обратном направлении.

— Очко в вашу пользу, Ватсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них. — Если бы не ваша внимательность, мы могли бы еще долго гулять по полю и в конце концов вернуться на это же самое место. Давайте идти по обратному следу.

Однако далеко мы не ушли. Следы обрывались у асфальтированной дорожки, ведущей к воротам конюшни Мейплтон. Как только мы подошли к воротам, нам навстречу выбежал конюх.

— Нечего тут шататься, проходите, проходите! — прикрикнул он на нас.

— Я просто хочу спросить, — сказал Холмс, многозначительно опустив в карман жилетки указательный и большой пальцы. — Если я найду завтра в пять часов утра, я смогу поговорить с вашим хозяином, мистером Сайлесом Брауном, или это слишком рано?

— Какое там рано, сэр, он спозаранку уж на ногах. Да вот он сам, сэр, лучше у него спросите. Нет-нет, сэр, не надо мне ваших денег; если он увидит, что я беру у вас деньги, я тут же лишусь места. Позже, если уж так хотите.

Не успел Шерлок Холмс сунуть обратно в карман полкроны, как из ворот стремительной походкой вышел немолодой мужчина. В руке он держал охотничью плетку.

— В чем дело, Доусон? — рявкнул он на конюха. — Никаких разговоров с посторонними! Идите займитесь делом. А вы какого черта тут околачиваетесь? Что вам здесь нужно?

— Дорогой сэр, не могли бы вы уделить нам каких-нибудь десять минут? Мы хотели бы с вами поговорить, — промолвил Холмс сахарным голосом.

— Нет у меня времени болтать с каждым бездельником. Нечего вам тут делать, убирайтесь, или я спущу собаку.

Холмс немного подался вперед и шепнул что-то на ухо тренеру. Мужчина побагровел, его прямо-таки затрясло от гнева.

— Ложь! — загремел он. — Наглая ложь!

— Прекрасно. Поговорим об этом здесь, чтобы все слышали, или же все-таки зайдём в дом?

— Ладно, входите.

Холмс улыбнулся.

— Ватсон, я на пару минут вас покину, — сказал он мне и снова повернулся к тренеру. — Итак, мистер Браун, я полностью в вашем

распоряжении.

Прошло двадцать минут, вечернее небо из красного сделалось серым, когда Холмс с тренером снова вышли из ворот. Никогда еще я не видел, чтобы за столь короткое время человек менялся так, как изменился Сайлес Браун. Лицо его стало пепельно-серым, на лбу блестели капельки пота, плетка в трясущихся руках ходила ходуном, как ветка на ветру. От былой напористости не осталось и следа, он семенил за моим другом, как преданная собака за хозяином.

— Сделаю! Все сделаю, как вы сказали, — говорил Браун, заискивающе заглядывая Холмсу в глаза.

— Ошибки быть не должно, — сказал Холмс и строго посмотрел на тренера. Тот от такого взгляда боязливо втянул голову в плечи.

— Нет-нет, как можно! Я буду на месте. Все пока оставить как есть?

Холмс ненадолго задумался и вдруг рассмеялся.

— Да, оставьте. Я пришлю вам указания. И смотрите, без фокусов, а не то...

— Что вы! Поверьте, я все сделаю.

— Да, думаю, сделаете. Ну что ж, завтра я с вами свяжусь. — Не заметив робко протянутой руки, Холмс повернулся, и мы пошли обратно в Кингс-Пайленд.

— Редко мне приходилось встречать людей, у которых наглость, трусость и подлость сочетались бы в такой же идеальной пропорции, как у этого Сайлеса Брауна, — заметил Холмс, когда мы шли по полю.

— Значит, лошадь у него?

— Сначала он пытался отвертеться, но когда я в точности описал ему его действия в то утро, он решил, что я видел все собственными глазами. Вы, конечно же, обратили внимание на необычные квадратные носки у тех следов, что мы видели, и заметили, что его ботинки в точности им соответствуют. Да и никто из слуг просто не решился бы на такой поступок. Я описал Сайлесу, как в то утро, встав по своему обыкновению раньше других, он заметил странную лошадь, бесцельно разгуливавшую по полю. Как он вышел к ней, как изумился, когда понял по белому пятну у нее на лбу, которое и дало имя фавориту, что в его руки попала единственная лошадь, способная обогнать ту, на которую он поставил. Затем я рассказал тренеру, что его первым желанием было отвести лошадь обратно в Кингс-Пайленд,

но потом, не совладав с дьявольским искушением, он решил придержать ее до окончания Кубка, повел обратно и спрятал в Мейплтоне. После такого детального рассказа Сайлес думал уже только о том, как спасти свою шкуру.

— Но ведь его конюшню обыскивали.

— У человека, который столько лет имеет дело с лошадьми, на такой случай наверняка есть свои приемы.

— А вы не боитесь оставлять здесь лошадь? Он же может с ней что-нибудь сделать.

— Что вы, дружище, теперь он будет беречь ее как зеницу ока. Браун прекрасно понимает, что надеяться на прощение он может лишь в том случае, если вернет лошадь в целостности и сохранности.

— Полковник Росс не производит впечатления человека, способного прощать.

— Не в полковнике дело. Я ведь лицо неофициальное, поэтому сам решу, что ему рассказывать, а что нет. Не знаю, заметили ли вы, Ватсон, но полковник разговаривал со мной несколько надменно. Теперь я хочу немного позабавиться. Ничего не говорите ему о лошади.

— Хорошо, буду держать рот на замке.

— Конечно же, все это ерунда по сравнению с главным вопросом: кто убил Джона Стрейкера?

— И теперь вы возьметесь за него.

— Наоборот. Мы с вами возвращаемся в Лондон вечерним поездом.

Слова моего друга поразили меня как гром среди ясного неба. Мы пробыли в Девоншире всего несколько часов, и вдруг он решает прекратить столь успешно начатое дело! Я был так удивлен, что не проронил больше ни слова до самого дома Стрейкера. Полковник и инспектор дожидались нас в гостиной.

— Мы с доктором Ватсоном возвращаемся в столицу сегодня вечерним экспрессом, — с порога заявил Холмс. — У вас здесь в Дартмуре удивительно чистый воздух.

От удивления глаза инспектора округлились, но полковник лишь презрительно скривил губы.

— Выходит, вы поняли, что найти убийцу несчастного Стрейкера вам не удастся.

Холмс неопределенно пожал плечами.

— В этом деле есть кое-какие сложности, — сказал он. — Но я все же склонен думать, что во вторник ваша лошадь выйдет на ипподром. Пусть ваш жокей будет готов. У вас есть фотография мистера Джона Стрейкера?

Инспектор вытащил из конверта карточку и передал ее Холмсу.

— Дорогой Грегори, вы прямо-таки предугадываете мои желания. Если позволите, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать один вопрос служанке.

— Должен сказать, я очень разочарован в нашем лондонском помощнике, — резко сказал полковник Росс, проводив взглядом Холмса. — По-моему, с его приездом мы не продвинулись ни на йоту.

— По крайней мере, он считает, что ваша лошадь будет участвовать в забеге, — заметил я.

— Да, он так считает, — пожал плечами полковник. — Только мне было бы спокойнее, если бы моя лошадь стояла у меня в конюшне.

Я уже хотел вступить за своего друга, когда Холмс снова вошел в комнату.

— Итак, джентльмены, — бодро воскликнул он, — теперь я готов ехать в Тависток!

Мы вышли на улицу и направились к коляске, один из работников конюшни открыл для нас дверцу. Когда Холмс уселся на мягкое сиденье, ему в голову, очевидно, пришла какая-то мысль, потому что он наклонился вперед и коснулся рукава конюха.

— У вас в загоне несколько овец, — сказал он. — Кто за ними ухаживает?

— Я, сэр.

— В последнее время с ними не происходило ничего странного?

— Ничего особенного, сэр. Разве что трое начали хромать.

Я прекрасно знаю Холмса, поэтому от меня не укрылось, что этот ответ привел его в настоящий восторг. Мой друг счастливо улыбнулся и потер руки.

— Удивительно, Ватсон, удача сама идет к нам в руки! — подтолкнув меня локтем, шепнул он. — Грегори, советую вам обратить внимание на эту необычную эпидемию. Поехали!

Выражение лица полковника Росса сделалось еще более скептическим, но по глазам инспектора я понял, что совет моего друга

его очень заинтересовал.

— Вы считаете, это важно? — спросил Грегори.

— Чрезвычайно важно.

— Может быть, вы хотели бы обратить мое внимание еще на что-нибудь?

— На странное поведение собаки в ночь преступления.

— Но собака вела себя как обычно.

— В этом и заключается странность, — заметил Шерлок Холмс.

Через четыре дня мы с Холмсом снова отправились в Винчестер, чтобы посмотреть скачки на Кубок Уэссекса. Как и было договорено заранее, полковник Росс встретил нас у вокзала. Он усадил нас в свой экипаж и повез на загородный ипподром. Всю дорогу полковник сидел с каменным лицом и держался очень холодно.

— О моей лошади до сих пор нет никаких известий, — через какое-то время заговорил он.

— Скажите, а вы бы узнали Серебряного, если бы увидели?

— Я уже двадцать лет занимаюсь лошадьми, но первый раз слышу подобный вопрос, — процедил полковник, едва сдерживая ярость. — Даже ребенок узнает его по белому лбу и темному пятну на передней правой ноге.

— Хорошо, а какие ставки?

— Творится что-то неладное. Вчера еще было пятнадцать к одному, но потом ставки стали падать, теперь, может быть, уже и трех к одному не будет.

— Хм, — Холмс почесал подбородок. — Кому-то что-то известно, это очевидно.

Когда экипаж подъехал к ограждению большой трибуны, я посмотрел на доску, на которой был вывешен список участников скачки. Вот что я увидел:

«Кубок Уэссекса

Главный приз 1000 соверенов плюс 50 соверенов за каждые доп. 100 футов. Второй приз 300 фунтов. Третий приз 200 фунтов. Дистанция одна миля пять фарлонгов. Участвуют жеребцы четырех и пяти лет. Участники:

Негр. Владелец — мистер Хит Ньютон. Жокей — красный шлем, коричневый камзол.

Боксер. Владелец — полковник Уордлоу. Жокей — розовый шлем, сине-черный камзол.

Десборо. Владелец — лорд Бэкуотер. Жокей — желтый шлем, желтые рукава.

Серебряный. Владелец — полковник Росс. Жокей — черный шлем, красный камзол.

Ирис. Владелец — герцог Балморал. Жокей — желтые и черные полосы.

Упрямец. Владелец — лорд Синглфорд. Жокей — фиолетовый шлем, черные рукава».

— Мы понадеялись на ваше слово и не стали выставлять другую лошадь, — сказал полковник и вдруг насторожился. — Подождите, что это? Серебряный — фаворит?

— Пять к четырем на Серебряного! — неслось с трибун. — Пять к четырем на Серебряного! Пять к пятнадцати на Десборо! Пять к четырем на поле!

— Подняли номера! — воскликнул я. — Все шесть лошадей на старте.

— Все шесть? Так что же, моя лошадь участвует? — заволновался полковник. — Но я не вижу Серебряного. Мои цвета еще не проходили.

— Пока прошли только пятеро. Наверное, это он.

Как только я произнес эти слова, за ограждением мимо нас проскакал мощный гнедой жеребец, неся на себе жокея, одетого в красное и черное, знаменитые цвета полковника.

— Это не моя лошадь! — вскричал хозяин скакуна. — На этом животном нет ни одной белой шерстинки. Что это вы затеяли, мистер Холмс?

— Не волнуйтесь, давайте лучше понаблюдаем за скачкой, — не моргнув глазом сказал мой друг. Несколько минут он смотрел в мой бинокль. — Превосходно! Отличный старт! — неожиданно выкрикнул он. — Сейчас они покажутся!

С нашего места в экипаже прекрасно было видно приближающихся лошадей. Все шесть скакунов шли буквально ноздря в ноздю, но примерно с середины дистанции вперед вырвался желтый цвет

Мейплтона. Однако почти сразу Десборо стремительным броском обошел жеребец полковника. Он первым достиг финиша, обогнав главного противника на добрых шесть корпусов. Ирис герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

— Главный приз мой, — задохнулся полковник и ошалело провел рукой по лицу. — Признаться, я ничего не понимаю. Мистер Холмс, не пора ли вам объяснить, что происходит?

— Разумеется, полковник, скоро вы все узнаете. Давайте все вместе сходим и посмотрим на победителя.

— Вот и он, — сказал Холмс, когда мы зашли в падок, где имеют право находиться только владельцы лошадей и их друзья. — Протрите ему морду и правую переднюю ногу винным спиртом и убедитесь, что перед вами Серебряный.

— Господи Боже!

— Я нашел его в руках у вора и позволил себе выпустить лошадь на ипподром в том виде, в каком ее сюда доставили.

— Дорогой сэр, вы просто волшебник! Лошадь выглядит совершенно здоровой, еще никогда в жизни она так не бегала, как сегодня. Примите мои извинения за то, что я сомневался в ваших способностях. Разыскав лошадь, вы оказали мне неоценимую услугу. Я буду благодарен вам еще больше, если вы сумеете найти и убийцу Джона Стрейкера.

— Я это уже сделал, — как ни в чем не бывало заявил Холмс.

Мы с полковником изумленно уставились на него.

— Вы нашли убийцу? И где же он?

— Он здесь.

— Здесь! Где?

— Стоит прямо передо мной.

Щеки полковника гневно вспыхнули.

— Я, конечно, понимаю, что очень обязан вам, мистер Холмс, — сказал он. — Но только то, что вы сейчас говорите, я воспринимаю либо как очень плохую шутку, либо как оскорбление.

Шерлок Холмс рассмеялся.

— Уверяю вас, полковник, я никоим образом не считаю вас причастным к преступлению, — сказал он. — Настоящий убийца стоит как раз за вашей спиной.

Он сделал шаг вперед и положил руку на лоснящуюся шею чистокровного жеребца.

— Лошадь! — в один голос воскликнули мы с полковником.

— Да, убийца — лошадь. Но ее вину смягчает то обстоятельство, что убийство было совершено в целях самозащиты, а Джон Стрейкер был человеком, совершенно не заслуживающим вашего доверия. Однако я слышу, что начинается второй забег. Я сделал на него кое-какие ставки и надеюсь немного выиграть, поэтому давайте отложим объяснения до более подходящего момента.

Тем же вечером мы втроем отправились в Лондон. Удобно устроившись в одном из купе пульмановского вагона, мы принялись слушать рассказ Шерлока Холмса о том, что произошло в Дартмуре в ночь с понедельника на вторник возле тренировочных конюшен и каким образом ему удалось распутать это дело. И надо сказать, что и полковнику Россу, и мне путешествие показалось удивительно коротким.

— Должен признаться, — начал Холмс, — что общее представление об этом деле, которое сформировалось у меня на основании газетных статей, оказалось абсолютно неверным. И в этом полностью моя вина, поскольку я не сумел собрать воедино крупницы действительно значимых фактов, скрывавшихся под ворохом ненужных подробностей, которыми изобиловали репортажи. Я отправился в Девоншир с твердой верой в то, что преступником был Фицрой Симпсон, хотя, конечно же, понимал, что прямых доказательств его вины нет. Только когда мы подъезжали в коляске к дому тренера, я вдруг понял, какое большое значение имеет баранина в карри. Возможно, вы помните, каким рассеянным я тогда был и как остался в экипаже, когда вы все вышли. В ту минуту я задумался над тем, как мне удалось упустить столь очевидную улику.

— Боюсь, даже сейчас я не понимаю, как это могло помочь, — сказал полковник.

— Это было первое звено логической цепочки, которая начала складываться у меня в голове. Порошок опиума не безвкусен. Легкий, но все же ощутимый вкус у него есть, поэтому, если добавить его в обычную еду, человек почувствует это и, вполне вероятно, не станет доедать. Карри — как раз та приправа, которая может скрыть привкус опиума. Невозможно себе представить, чтобы Фицрой Симпсон,

человек совершенно посторонний, каким-то образом сумел подстроить так, чтобы в тот вечер в семье тренера подавали блюдо с карри. Ну, а о том, что он по какому-то чудовищному совпадению явился на конюшню с порошком опиума именно в тот вечер, когда там подавали как раз то блюдо, в котором его вкус не чувствуется, не может быть и речи. Таким образом, Симпсон выпадает из круга подозреваемых и наше внимание переключается на Стрейкера и его жену, единственных людей, которые могли сделать так, чтобы в тот вечер на ужин на тарелках конюхов оказалась баранина, приправленная карри. Опиум был добавлен не в общий котел, а в тарелку, предназначенную для того, кто остался дежурить в конюшне, поскольку все остальные ели то же самое и с ними ровным счетом ничего не случилось. Кто же имел доступ к этой тарелке до того момента, когда ее взяла в руки служанка?

Еще до того, как ответ на этот вопрос был найден, я задумался над тем, почему в тот вечер собака вела себя совершенно спокойно. Эти два обстоятельства имеют теснейшую связь. Благодаря происшествию с Симпсоном мне было известно, что в конюшне держали собаку, которая, когда из стойла выводили лошадь, даже ни разу не гавкнула (конюхи, спавшие наверху на сеновале, услышали бы ее). Почему? Совершенно очевидно, что конокрадом был человек, которого собака хорошо знала.

Я был уже уверен — или почти уверен — что это Джон Стрейкер пришел той ночью в конюшню и увел Серебряного. Но с какой целью? Явно с преступной, иначе зачем ему было подсыпать опиум собственному конюху? И все же я не понимал, что именно задумал Стрейкер. Известны случаи, когда тренеры зарабатывали большие деньги, делая через доверенных лиц ставки против своих же лошадей и тем или иным способом не давая им победить. Можно уговорить жокея придержать лошадь, а можно прибегнуть и к более верному и не такому рискованному методу. Что было на уме у Стрейкера? Я надеялся, что понять это мне поможет содержимое его карманов.

Так и вышло. Вы наверняка помните необычный нож, который был зажат в руке покойника, когда его обнаружили. Ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову защищаться таким ножом. Нож этот, как рассказал нам доктор Ватсон, используют в хирургии для тончайших операций. И той ночью его тоже должны

были использовать по назначению. При вашем знании лошадей, полковник, вам должно быть известно, что достаточно сделать небольшие подкожные надрезы сухожилий на бедрах лошади, совершенно незаметные, чтобы животное начало слегка прихрамывать. Все посчитали бы это следствием растяжения, полученного во время тренировок, или начинающимся ревматизмом. Никому не пришло бы в голову заподозрить в этом злой умысел.

— Каков негодяй! Подлец! — не сдержался полковник.

— Итак, у нас есть объяснение, зачем Джону Стрейкеру понадобилось выводить лошадь ночью в поле. Такой горячий жеребец, как Серебряный, наверняка разбудил бы любого соню, если бы почувствовал укол ножа. Поэтому необходимо было отвести его подальше от конюшни.

— Как я сразу этого не понял! — взялся за голову полковник. — Ну конечно же, вот зачем Стрейкеру нужна была свечка и спички.

— Именно. Однако, исследуя содержимое карманов Стрейкера, я, по счастливой случайности, смог не только определить способ, которым он хотел совершить преступление, но и понять мотивы. Как светский человек вы, полковник, понимаете, что люди не носят у себя в карманах чужих счетов. Большинству из нас хватает и своих забот подобного рода. Я тут же сделал вывод, что Стрейкер вел двойную жизнь. Счет указывал на то, что в деле замешана женщина, причем женщина, которая привыкла жить на широкую ногу. Как бы прекрасно ни относились вы к своим слугам, вряд ли они могут позволить себе покупать любовницам платья для прогулок за двадцать гиней. Я незаметно для самой миссис Стрейкер расспросил ее об этом платье и, убедившись, что к ней оно не попадало, запомнил адрес модистки. У меня не было сомнений, что если я наведаюсь к ней с фотографией Стрейкера, про загадочного Дербишира можно будет забыть.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ